

DOI: 10.31857/S032103910013529-4

С. А. ЖЕБЕЛЁВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

(по материалам новых архивных документов)

Часть III. 1932–1940

В. Г. Ананьев¹, М. Д. Бухарин²

¹ Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: v.ananьев@spbu.ru ² E-mail: michabucha@gmail.com

К началу 1930-х годов отношения С. А. Жебелёва с советским государством пережили тяжелый кризис в ходе «большого академического дела». Академик Жебелёв, не принявший ни марксистское историческое учение, ни новое учение о языке, отдался и от своих коллег, и от руководителей АН СССР и ГАИМК С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра. Работы С. А. Жебелёва начала 1930-х годов по интерпретации херсонесского декрета в честь Диофанта (*IOSPE I*² 352) неожиданно оказались востребованными советской исторической наукой, что в корне изменило место Жебелёва в советской науке. В статье на основании значительного массива архивных источников анализируются обстоятельства постепенного вхождения историка в ряд классиков советского антиковедения.

Ключевые слова: древняя история, антиковедение, история науки, архивы, С. А. Жебелёв, С. Я. Лурье, А. И. Болтунова, М. И. Максимова, научные институты, АН СССР

S. A. ZHEBELEV IN THE SYSTEM OF SOVIET SCIENCE

(Based on New Archival Findings)

Part III. 1932–1940

Vitaliy G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²

¹ Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹E-mail: v.ananьев@spbu.ru ²E-mail: michabucha@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00367

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев — доктор культурологии, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ; Михаил Дмитриевич Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.». Первую и вторую части см. в ВДИ 80/2, 2020, с. 497–512; 80/3, 2020, с. 753–774.

By the beginning of the 1930s the relations of S. A. Zhebelev with the Soviet State had endured a serious crisis during the so-called “case of the academicians”. Zhebelev, not having accepted either Marxist historical doctrine, or the “new linguistic teaching”, thus became distant from both his colleagues and from the heads of the Academy of Sciences of the USSR and GAIMK, S. F. Oldenburg and N. Ya. Marr. S. A. Zhebelev’s works at the beginning of the 1930s on the interpretation of the Chersonesitan decree in honour of Diophantus (*IOSPE* I² 352), however, unexpectedly answered the needs of the Soviet historical research and radically changed Zhebelev’s position. The article based on a significant range of archival sources analyzes the circumstances of the historian’s gradual entry into the circle of classics of the Soviet ancient historical studies.

Keywords: ancient history, Classical studies, science history, archives, S. A. Zhebelev, S. Ya. Luria, A. I. Boltunova, M. I. Maximova, scientific institutes, Academy of Sciences of the USSR

...Исключительно много и продуктивно работает.
Испрашиваемый оклад — 650 р.

Из личного дела С. А. Жебелёва в ГАИМК. Не ранее 1933 г.¹

Новый период научной биографии С. А. Жебелёва начинается в 1933 г. Он был отчасти связан с тем, что его работы *volens-nolens* удачно легли на тезисы марксистской исторической теории, восходящие еще к «Капиталу» К. Маркса и воспринятые Лениным в интерпретации Ф. Энгельса в «Государстве и революции»², которые были призваны обосновать пятиформационную схему, в структуре которой был выделен переход от рабовладения к феодализму через классовую революцию, в частности в виде восстания рабов.

В середине 1930-х годов этот тезис уже стал совершенно привычным. Так, А. В. Мишулин в ведущем печатном органе историков-марксистов «Борьба классов. На фронте исторической науки» писал в «Очерке о Китае в античную эпоху»: «Массовые восстания китайских рабов и крестьян в этот период навсегда вошли в историю борьбы угнетенных со своими поработителями... угнетенные массы продолжали борьбу... Победа “краснобровых” послужила сигналом ко всеобщему восстанию. В результате пятилетней борьбы “краснобровые” свергли Ван-Мана и казнили его в 23 г. нашей эры»³.

Заслуга Жебелёва перед советской марксистской наукой заключалась в том, что он первым обнаружил подтверждение данного тезиса на территории СССР и обнаружил его в древности, а не в период Нового времени, т.е. придал марксистской схеме хронологическую логичность. С некоторой вульгаризацией о «вкладе» С. А. Жебелёва в обоснование тезиса о восстании рабов как факторе смены общественно-экономической формации говорится в научно-мемуарной прозе:

Едва ли можно сомневаться в научной добросовестности этого толкования, но, конечно, С. А. очень хорошо понимал, как оно будет звучать в тогдашней обстановке. Уже

¹ Отдел рукописей Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее — ОР НА ИИМК РАН). Ф. 35. Оп. 5. Д. 108. Л. 4.

² Например, В. И. Ленин (Lenin 1969, 20) цитирует высказывание Ф. Энгельса из работы «Анти-Дюринг», который, в свою очередь, цитирует «Капитал» К. Маркса: «Насилие... является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Marx 1960, 761).

³ Mishulin 1936, 98–99.

создана была схема общественных формаций, — античность была признана рабовладельческой формацией; в феврале 1933 г. было объявлено о «революции рабов», свергнувшей рабовладельческий строй. И в этой-то обстановке происходит открытие рабского восстания на территории нашего отечества — открытие, сделанное почтенным, заслуживающим полного доверия ученым! Жебелёв даже острил: «Теперь мне большевики вот такую медаль выдадут!» — и показывал руками колесо. Медаль ему не выдали, но со всеми разговорами о «махровом черносотенце» было покончено⁴.

Речь в воспоминаниях Я. С. Лурье (сына С. Я. Лурье), опубликованных впервые в Париже в 1987 г. под именем его тетки Б. Я. Копржива-Лурье, идет о работах Жебелёва «Первое революционное восстание на территории СССР (историческая справка)», вышедшей в «Сообщениях ГАИМК» за 1932 г. (№ 9—10, с. 35—37), и «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», изданной в 70-м выпуске «Известий ГАИМК» в 1933 г. Вторая статья основана на положениях первой, т.е., конечно, она не писалась на заказ, однако, по стечению обстоятельств, ее положения удачно сочетались с тезисами речи Сталина, произнесенной 19 февраля 1933 г. на съезде колхозников-ударников, о ликвидации рабовладельческого строя революцией рабов. Из работ Жебелёва можно было сделать следующий вывод: восставшие рабы, причем восставшие на территории СССР, попытались осуществить классовую революцию. Такой идеологический подарок был оценен по достоинству, и эта оценка в корне изменила положение Жебелёва в системе советской науки.

Этот же сюжет С. А. Жебелёв поясняет в частном письме к А. В. Орешникову:

С. А. Жебелёв — А. В. Орешникову

2 декабря 1932 г.

Васильевский остров, 4 линия, 7, кв. 13

Глубокоуважаемый Алексей Васильевич,

занятия Боспором привели меня к загадочному царю Аку или Аке. Не нравилось и не нравится мне его имя. Сопоставление Шкорпила с Ἀκίς ничего в этом случае не разъясняет. Ἀκίς — греческое слово, значит «острие» (копья, стрелы, в переносном смысле острие стрелы Эрота). И слово ἄκος имеется в греческом, но значит оно «врачебное средство». И от этого значения едва ли могло возникнуть имя собственное. Остается предположить, что собственное имя Ἀκίς или Ἀκῆς — туземное, скифское имя, и один из Спартокидов носил скифское имя. Но и это маловероятно, так как Спартокиды носят либо фракийские имена (Спарток, Перисад), либо греческие (Сатир, Левкон, Митрадор, Горгипп, Аполлоний, Притан, Евмел). В туземных скифских именах собственных акос (ακῆς) всегда является составной частью имени, например, Ἀρδάρακος, Φηδάρακος, Κοιρῶτακῆς и т.д. Таких примеров я могу привести из южно-русских греческих надписей более полусотни. И вот у меня явилась мысль, *не является ли на золотом статере АКОУ не полным именем царя, но составной частью его имени*, его, так сказать, второй, конечной частью. Я нашел и первую часть имени и склонен предположить, что на монете стояло [ΣΑΥΜ]ΑΚΟΥ, т.е. тот самый Савмак, который известен из надписи Диофанта, и с именем которого дошли три монетки, причем на них он квалифицируется как царь⁵. Все эти соображения явились у меня в связи с разбором надписи Диофанта, той ее части, которая говорит о делах Боспорских.

⁴ Lurie 2004, 201. См. также письмо к А. И. Болтуновой (Амиранашвили) от 28 ноября 1932 г. (Ananiev, Bukharin 2020, 761–762).

⁵ Царствовал он в бурные времена, год-два maximum (прим. С. А. Жебелёва).

Разбор этот привел меня к ряду новых соображений, в правильности которых я почти убежден и из которых могу поделиться с Вами только одним, [нрзб.]: «воспитанник» последнего Перисада, Савмак, не был каким-либо скифским принцем или вообще высокопоставленным особом. Савмак был *царский раб*, οἰκογενής, θρεπτός. Скифы, во главе которых он встал, и которые произвели на Боспоре государственный переворот, были рабы, и все движение было *рабским восстанием*. Обо всем этом я излагаю подробно в своей работе, с доказательствами, которые долго было бы приводить в письме... я же лишь в одном убежден, что с самим именем АКОУ что-то неладно.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 136. Оп. 2. Д. 17. Л. 30–31 об.

Положения работ Жебелёва 1932–1933 гг. по истории восстания Савмака многократно обсуждались по частным источниковедческим вопросам (в том числе по проблеме о времени появления первых их версий — в 1932 г., а то и ранее, во всяком случае, до выступления Сталина на съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г.) специалистами по истории Северного Причерноморья, и останавливаться на анализе дискуссии в работе по истории науки нет необходимости⁶. Однако удивление вызывает факт отсутствия анализа данных работ Жебелёва в публикациях специалистов по истории советской науки о древности⁷.

Источники сведений Сталина по античной истории, которыми он оперировал в своем докладе перед колхозниками-ударниками, неизвестны, однако нельзя исключить того, что он получил упрощенные сведения о восстании Савмака от Н. Я. Марра — директора главного научного учреждения исторического профиля и относительно близкого ему человека⁸. Марр же мог почерпнуть эти сведения из статьи Жебелёва за 1932 г., вышедшей в «Сообщениях ГАИМК».

Как бы то ни было, открытие было замечено, одобрено и использовано в контексте властного дискурса. Это существенно увеличило социальный капитал Жебелёва. Ученый, которого всего несколько лет назад чуть было не исключили из АН СССР и имя которого стало практически нарицательным — так, например, А. И. Анисимову, историку древнерусского искусства, попавшему в число обвиняемых в ходе кампании 1928 г. и, судя по всему, даже не знакомому с Жебелёвым, инкриминировалась именно «жебелёвщина в науке», — теперь получал от своего начальства поощрение за поощрением. Так, уже 28 декабря 1932 г.

⁶ См., в частности, Gavriloв 1992, 53–73; 1996, 151–168; 2016, 276–287.

⁷ Ограничимся двумя ссылками: Kriх 2006, 224–236; Kriх, Metel 2018.

⁸ Прямых данных об отношениях Сталина и Марра в 1930-е годы нет, однако косвенные свидетельствуют, что эти отношения были теплыми. Так, на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Сталин в отчетном докладе дважды оперировал тезисами Марра. Сразу же после отчетного доклада Сталина состоялось выступление Марра, незадолго до этого назначенного вице-президентом АН СССР. По документально не подтвержденным сведениям, часть своей речи Марр произнес по-грузински (Alpatov 2004, 93–94).

См. также вывод: «...Учение Марра получило высочайшую поддержку... Сталин в те годы больше не высказывался по вопросам языкознания, но несомненно, что Марр тогда пользовался его поддержкой. Вскоре после съезда Марр был принят в члены партии без кандидатского стажа, в 1933 году он был одним из первых в стране награжден орденом Ленина, а выросший из Яфетического института Институт языка и мышления еще при жизни получил его имя» (Alpatov 1990, 69).

Жебелёв в ГАИМК получил премию первой категории в размере 500 р. за «перевыполнение плана», причем отмечались его «активное участие и большая работа, проведенная по составлению и редактированию сборника источников об античном способе производства⁹; глубокое исследование Херсонесской надписи Диофанта, давшее новые научные выводы; внимательная работа с аспирантами; безукоризненная трудовая дисциплина»¹⁰.

Разительные изменения места С. А. Жебелёва в советской науке видны уже из письма к А. И. Болтуновой (Амиранашвили) от 31 июля 1933 г.: «Вторую статью в ГАИМК испортили, предпослав ей ненужное и глупое предисловие¹¹. Теперь я уже ничего в ГАИМК печатать не буду и вообще хочу... в Европу со своими статьями, хотя это и против моего принципа... учить меня, что я должен писать и как писать, я не позволю — я не мальчик и издал свыше 200 работ своих без всяких предисловий»¹².

В данном письме обращает на себя внимание тональность, ранее не свойственная высказываниям Жебелёва: резко-критический отзыв о ГАИМК, осознание своего места в науке, определенно изменившегося в сравнении с предшествующим периодом: Жебелёв обижен на ГАИМК за то, что без его санкции статье было предпослано некое предисловие, и не стесняется открыто говорить об этом.

9 января 1934 г. «за участие в разработке актуальных вопросов, за высокую производственную активность, за высокую трудовую дисциплину и за работу по повышению квалификации научных сотрудников и аспирантов» он был удостоен первой премии в 400 р. деньгами и на 100 р. книгами со склада ГАИМК¹³.

Изменения в этот период коснулись не только судьбы ученого, но и самих организационных условий научной жизни. Обстоятельства этих изменений более очевидны из нижеследующего письма Жебелёва к Лурье, написанного в конце 1933 г. Очевидно, что тональность письма к Лурье и лоббистские возможности, о которых пишет

⁹ Zhebelev, Kovalev 1933.

¹⁰ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 108. Л. 13.

¹¹ Имеется в виду предисловие Абрама Григорьевича Пригожина (1896–1937), активного участника дискуссий о формационном подходе, с 1932 г. заведовавшего сектором капиталистических и социалистических формаций и бывшего заместителем председателя ГАИМК. Подготовленный С.А. Жебелёвым и С.И. Ковалёвым том «Античный способ производства: литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории Древней Греции, эллинистического Востока и Рима» также был опубликован ГАИМК в 1933 г. с его предисловием. А.К. Гаврилов, анализируя обстоятельства публикации статьи, отмечает, что «нравственно спорная сторона действий Жебелёва» состояла в следующем: «сочетание подходящего результата и старорежимных экивоков насчет рабов, “понесших заслуженное наказание”, бравада с цитированием М.И. Ростовцева после вынужденного отречения от последнего и данное в конечном счете согласие напечатать свою статью рядом с предисловием молодого партийного наглеца А.Г. Пригожина». См. Gavrilov 1992, 55. Представляется, что цитируемое письмо Жебелёва позволяет отвести последнее обвинение. Согласия на предисловие он не давал и был чрезвычайно раздражен таким соседством.

¹² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 135 об.

¹³ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 108. Л. 14.

Жебелёв, объясняются его новым положением — фактического «первооткрывателя» революции рабов на территории СССР. Это письмо — важный документ для выяснения деталей развития новых исторических концепций и прямой связи с данным процессом институализации изучения всеобщей истории в целом и древней (конкретно — античной) истории в частности. Кроме того, оно является важным документом для реконструкции биографии самого Лурье. Частный смысл письма состоит, очевидно, в попытках Жебелёва содействовать трудоустройству С. Я. Лурье — на момент написания письма сотрудника Института истории науки и техники, созданного Н. И. Бухариным в 1932 г. в Ленинграде. В 1930 г. Лурье остался без работы, в 1931 г. он получил отказ в трудоустройстве в ЛИФЛИ¹⁴, и лишь в 1933 г. Лурье поступил на работу в ИИНТ и занимался в нем переводами сочинений средневековых авторов¹⁵. Однако в реконструкциях научной биографии С. Я. Лурье ничего не говорится о его стремлении покинуть этот институт менее чем через год после зачисления, вероятно небеспроблемного, и перевестись в другое учреждение¹⁶.

Сложности в трудоустройстве специалиста по древней истории и литературе в начале 1930-х годов были связаны не только с организационной неразберихой — трансформацией одних институтов и академий в другие, созданием и их скорым упразднением, и не только с личностным фактором. После структурных реформ в ходе «академического дела» в целом и «дела Жебелёва» в частности, когда новоизбранный академик был подвергнут жесткой проработке из-за участия в сборнике «Seminarium Kondakovianum», сменился общий взгляд на древнюю историю, ее место в ряду научных дисциплин.

Показательна в этом отношении речь академика С. Ф. Ольденбурга на I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, проходившей с 6 по 11 апреля 1931 г. Эта речь не имеет заглавия и, возможно, по этой причине ускользнула от внимания составителей полного списка публикаций Ольденбурга¹⁷. Тем интереснее обращение к этому источнику. Так, выступая сразу после Н. И. Бухарина, С. Ф. Ольденбург подчеркивает: «Очень важно было бы, чтобы наша конференция по отношению к работникам в области гуманитарных наук, к которым принадлежу и я, подчеркнула тот момент, что *уже настало решительное время для переключения их на новую методологию* (курсив наш. — В. А., М. Б.). Особенно важно для них всех осознать то, что многие уже осознали: что научно можно и должно изучать именно современность. Старая точка зрения в этом отношении была глубоко неправильной. Считалось, что изучать надо с древних времен, идя к современности. Мы теперь хорошо понимаем, что это была ошибочная установка и что изучение современности приводит нас к гораздо большим результатам, чем старые методы, что научность — именно в изучении современности»¹⁸. С. Ф. Ольденбург, в течение четверти века руководивший всей академической наукой на посту неперменного секретаря АН,

¹⁴ Lurie 2004, 137–138.

¹⁵ Mirovshchikova 2017, 919.

¹⁶ Mirovshchikova 2017, 910–924.

¹⁷ Skachkov, Chizhikova 1986, 122–153.

¹⁸ I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6–11 апреля 1931 г. Стенографический отчет. М. — Л., 1931. С. 70.

сам — непревзойденный авторитет именно в области изучения древней литературы — признает вторичность древней истории по отношению к иным направлениям исторических исследований.

Возможно, именно такими настроениями объясняется отношение Жебелёва к всемогущему администратору Марру и деятельности Ольденбурга на посту не-пременного секретаря АН, сформировавшееся уже в 1930-х годах, о чем свидетельствуют выдержки из писем А. В. Орешникову от 30 мая 1930 г. и Д. М. Петрушевскому от 16 июля 1932 г.:

Пока Ольденбург был непременным секретарем, он был вершителем издательского дела. Но и слетев, он, как член Редакционного совета, продолжает свою губительную работу в области гуманитарных знаний, поскольку оно не соперник с востоковедением. При всем этом лицемерию нет конца...¹⁹

...На ближайшей сессии, как мне сказал тот же Самойлович, будет чествоваться 50-летие ученой (?) деятельности Ольденбурга, которому из Института востоковедения, по-видимому, предстоит уходить, ибо чужие его угнетают, а свои уже не поддерживают. Кто будет преемником, неизвестно. Говорят, все тот же вездесущий и [нрзб.] Марр. Ну, тогда и востоковедению капут. А как Ольденбург с ним все время гарцевал и в угоду ему истреблял все другие гуманитарные науки. Будьте здоровы, боритесь с «бесами» и пока их не одолеете совершенно! Мои Вам кланяются.

Ваш С. Жебелёв²⁰.

Жебелёв в письме к Лурье проясняет возможности его перевода из одного исследовательского учреждения в другое, а именно — в Историко-археографический институт. В более широкой перспективе перед читателем предстает череда учреждений исторического профиля в тот период, когда начинают предприниматься очередные попытки изжить учрежденческий беспорядок 1920-х годов, конец которому был в определенной степени положен созданием Института истории АН СССР.

Жебелёв пишет Лурье о слухах, согласно которым Историко-археографический институт будет заниматься с определенного периода проблемами всеобщей истории. Первые попытки создания Института всеобщей истории, в котором бы исследовалась история зарубежных стран на всем ее протяжении, относятся к концу 1930-х годов²¹. До того научное подразделение, отвечавшее за древнюю историю, существовало в рамках Исторического института при факультете общественных наук МГУ, созданном в августе 1921 г. Аналогичный институт был сформирован при Петроградском университете. В 1924 г. на базе всех НИИ социально-экономической направленности при ФОН МГУ была создана Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (АНИИ). В нее помимо учреждений, находившихся в Москве, были включены также Институт сравнительной истории, литературы и языков Запада и Востока при ФОН Ленинградского университета и кабинет по изучению марксизма при Восточном педагогическом университете (Казань). В сентябре 1926 г. на основе АНИИ была создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). К 1930 г. РАНИОН была фактически ликвидирована, ее место

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 17. Л. 22.

²⁰ Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 4–4 об.

²¹ Подробнее см. Bukharin, Karpyuk 2019, 1162–1169.

заняла Коммунистическая академия. Все эти учреждения не входили в систему Академии наук СССР. Таким образом, в области институализации исторических исследований к началу 1930-х годов хаос еще не был преодолен.

Историко-археографический институт, основанный в 1931 г. в системе АН СССР, явился преемником Археографической комиссии, основанной в 1834 г. для собирания, описания и издания источников по отечественной истории. В 1926 г. Археографическая комиссия была объединена с Постоянной исторической комиссией и получила название Историко-археографической комиссии (ИАК)²². Комиссия была переименована в институт (ИАИ) в октябре 1931 г. Работал ИАИ в Ленинграде, по этой причине интерес Жебелёва к его структуре и тематике исследований вполне объясним. В качестве филиала ИАИ в Москве работала отдельная Археографическая группа.

В «Положении» отмечалось, что «институт имеет своей задачей собирание, систематизирование, обработку на основе марксистско-ленинской методологии и научное издание материалов по истории народов СССР». Кроме того, институту вменялась в обязанность «разработка вспомогательных исторических дисциплин» и подготовка специалистов в указанной области²³.

В перспективном плане развития института, составленном еще до того, как ИАИ был формально основан, не было пунктов, специально трактовавших древнюю историю, однако некоторые из них (история народов СССР, история торговли, работа по заданиям Международного комитета исторических наук, историческая география) могли подразумевать включение исследований по античной истории в том или ином виде.

Однако на дворе уже 1933 год: Сталин привлек данные по античной и древневосточной истории в своей речи, что обозначило новый этап в развитии всеобщей истории в СССР в целом. Вполне вероятно, что «слухи», о которых Жебелёв запрашивает Лурье, связаны с тем, что ИАИ на рубеже 1933/1934 годов намеревался значительно расширить тематику исследований. Это расширение планировалось осуществить, в частности, за счет работ по истории раннего феодализма²⁴.

Жебелёв также запрашивает Лурье о проекте Исторической комиссии Академии наук. Эта структура была создана в ноябре 1933 г. для координации исторических исследований на межинститутском уровне. Государство явно ставило перед научной сферой новые задачи, для выполнения которых нужны были новые институты. В 1935 г. Историческая комиссия была ликвидирована, а ее функции переданы ИАИ. Таким образом, с 1935 г. ИАИ фактически был уполномочен выполнять функции научно-исследовательского института, в тематику исследований которого входили, в частности, и вопросы античной и восточной истории. Так, в структуре ИАИ был создан сектор истории древнего мира под началом В. В. Струве. Через год, в 1936 г., на базе ИАИ и Исторического института Коммунистической академии был создан Институт истории АН СССР.

²² Подробнее см. Serova 1979, 361.

²³ Подробнее см. Serova 1979, 363.

²⁴ Serova 1979, 377.

С. А. Жебелёв — С. Я. Лурье
В.О. 4 линия 7, кв. 13
16. XII. 33

Дорогой Соломон Яковлевич,

от кого Вы слышали, что Историко-археографический институт разворачивает свою деятельность и будет работать не только над русской, но и над всеобщей, в частности античной, историей? Не основаны ли эти слухи на некотором недоразумении, источник которого заключается в следующем: на последнем заседании (во время ноябрьской сессии) и исторической группы и отделения ничего не говорилось о расширении деятельности Историко-археографического института, но обсуждали проект создания при группе историков, восточников и экономистов особой *Исторической комиссии*, в круг деятельности которой будет входить и русская и всеобщая история. Проект был принят группой и был затем утвержден отделением. Группа наметила и бюро комиссии, и оно отделением было тоже утверждено. Состав бюро следующий: председатель Волгин²⁵, заместители председателя Лукин²⁶ и Деборин²⁷, члены: Греков²⁸, Зейдель (от Коммунистической академии)²⁹, Быковский (от ГАИМК)³⁰ и еще кто-то седьмой, фамилию которого забыл. Членами комиссии являются ex officio³¹ все члены группы, т.е. действительные члены и члены-корреспонденты по гуманитарным наукам Академии наук. В работе могут принимать участие и ученые со стороны, с разрешения бюро. Работа комиссии, как и всех комиссий, будет состоять из заслушивания и обсуждения докладов и пр. Предполагается устройство пленарных заседаний и заседаний по секциям (они пока не намечены). Вот все, что мне известно. Пока заседаний комиссии не было; было ли заседание или заседания бюро, не знаю. Самое главное в отношении Вашего дела — это то, что комиссия состоит не при Историко-археографическом институте, а при группе. Поэтому и перевод из Института истории науки и техники в Историко-археографический институт будет зависеть не от группы, а от института, если он к этому переходу отнесется благосклонно. Институт же теперь, как Вы знаете, без главы (после смерти М. Н. Покровского³² его пост директора пока остается не замещенным). О том, будут ли в комиссии т.н. штатные сотрудники или

²⁵ Волгин, Вячеслав Петрович (1879–1962) — историк, действительный член АН СССР (1930), вице-президент АН СССР (1942–1953).

²⁶ Лукин, Николай Михайлович (1885–1940) — историк, действительный член АН СССР (1929), первый директор Института истории АН СССР.

²⁷ Деборин (Иоффе), Абрам Моисеевич (1881–1963) — философ, действительный член АН СССР (1929).

²⁸ Греков, Борис Дмитриевич (1882–1953) — историк, археолог, член-корреспондент (1934), действительный член АН СССР (1935).

²⁹ Зейдель, Григорий Соломонович (1893–1937) — историк, директор Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (1930), первый декан исторического факультета ЛГУ (1934–1935).

³⁰ Быковский, Сергей Николаевич (1896–1936) — историк, этнограф, сторонник «нового учения о языке» Н. Я. Марра. На момент написания письма — заместитель председателя ГАИМК по научной части.

³¹ По занимаемой должности (*лат.*).

³² Покровский, Михаил Николаевич (1868–1932) — общественный, государственный деятель, историк, действительный член АН СССР (1929), в 1918–1932 — заместитель наркома просвещения, один из основателей следующих научно-исследовательских учреждений, в том числе исторического профиля: Социалистической академии (1919; с 1924 — Коммунистической), Государственного ученого совета (1919), Института истории РАНИОН (1921), Института красной профессуры (1921), один из инициаторов «академического дела».

не будут, ничего не было говорено. О том, как развернется деятельность комиссии, пока можно только гадать. Состав бюро показывает, что для древней истории в комиссии вряд ли что [нрзб.]. Конечно, доклад на «подходящие темы» вряд ли будет отвергнут.

Нечего и говорить, что я был бы очень рад, если бы Вы были причастны к работам комиссии, ведь я теперь представляю античную историю в *singulari*³³, если не считать Тюменева, который, впрочем, специалист и по античности, и по другим отделам истории.

Наведите точные справки, как обстоят дела с Исторической комиссией. Если нужно будет в том или ином отношении воздействовать на Волгина, смело можете на меня рассчитывать. Не знаю, насколько я пользуюсь авторитетом в его глазах, но зато знаю, что я — не марксист. А это теперь много значит³⁴. Но, повторяю, содействие мое в Вашу пользу считайте обеспеченным. Только пока я не знаю, в каком направлении я должен действовать.

Ваш С. Жебелёв.

СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 198. Л. 34–35.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Вновь, как и до начала травли конца 1920-х годов, ученый активно участвует в организации научной жизни и административной работе, но теперь это работа в учреждениях, советский характер которых ни у кого не вызывает никаких сомнений. 10 ноября 1934 г. он пишет Максимовой: «Я работать люблю, от нее не бегаю, но когда все и всюду торопят, впадаю в уныние. Если буду жив в 1935 г., постараюсь во что бы то ни стало урегулировать свою жизнь, которой, увы! пользовался и пользуюсь для себя слишком мало»³⁵. Эта востребованность давала Жебелёву возможность поддерживать коллег и пытаться оказать им определенную протекцию. Он, например, уже может ходатайствовать перед новым председателем ГАИМК Ф. В. Кипарисовым³⁶ о публикации в изданиях академии статьи опальной Максимовой, пытаться устроить публикацию ее переводов или

³³ В единственном числе (*лат.*).

³⁴ Эту мысль С. А. Жебелёв осмеливался высказывать и ранее. Так, обсуждая с академиком Д. М. Петрушевским кандидатуру А. И. Тюменева на выборах в действительные члены АН СССР в 1932 г., в письме от 4 марта 1932 г. он пишет: «На заседании Волгин предложил мне высказаться о кандидатуре Тюменева. Я сказал, что кандидатура Тюменева является для меня приемлемой, главным образом потому, что он убежденный марксист и, прибавил я, марксист не из вчерашнего дня. Из его ученых трудов в мою компетенцию входят лишь три (всего 15), так как они касаются греческой истории. Эти труды обнаруживают хорошее знакомство с литературой предмета и выдержаны в строго марксистском духе, так мне кажется, потому что, заявил я определенно, сам я не марксист, и с этой стороны желательно, чтобы они получили надлежащую оценку лиц, владеющих марксистской идеологией. Вот вкратце все, что я сказал, добавил лишь, что в случае избрания Тюменева он, как марксист, может быть полезен при обучении аспирантов марксизму» (Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 2).

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 44.

³⁶ Кипарисов, Федор Васильевич (1886–1936) — археолог, филолог-антиковед, ученик С. А. Жебелёва; в 1920–1929 гг. — член президиума, зам. председателя Главного политического управления ЦК Союза работников просвещения, ответственный секретарь секции научных работников, профессор Историко-лингвистического института; в 1929–1934 гг. — первый заместитель председателя ГАИМК; с 1934 г. — председатель; в 1936 г. арестован, расстрелян.

рекомендовать ее для участия в проекте издания серии научно-популярных работ по всемирной истории³⁷. Роль и место ученого в институциональной системе науки явно изменились. Но вот отношение и к этой системе, и ко всему происходящему вокруг оставалось далеким от приятия.

Некоторое укрепление положения Жебелёва в обеих столицах явственно видно из письма В. И. Вернадскому от 12 июля 1935 г.: «Без академической и университетской библиотек работать не могу, московские же библиотеки по моей части и в сравнение не могут идти с нашими. Но когда академическая библиотека переведена будет в Москву, передо мной встанет вопрос о моем переезде туда. Пока что буду наезжать в Москву на сессии, что в минувшем сезоне делал не без удовольствия. На сессиях и будем встречаться с Вами»³⁸. Далее Жебелёв просит «вспомнить о нем», когда Вернадский окажется в Риме и Неаполе.

Общее настроение его в этот период очень хорошо передает и следующий фрагмент из письма Максимовой от 19 августа 1935 г., отчасти перекликающийся с письмом к В. И. Вернадскому:

Все утро сегодня я, вместо того, чтобы писать статью на тему «Возрождение и вырождение ученых степеней» (конечно, статья предназначается не для печати, да и не может быть напечатана³⁹), провел за Бедекером⁴⁰, чтобы хоть мысленно, перелистывая его, совершить экскурсию по Риму. И в конце этой экскурсии я подумал: жить и знать, что никогда в Рим не попадешь — *c'est affreux*⁴¹ (как сказал бы А. А. Васильев). Вместе с тем мне пришла в голову мысль: выписать из Рима новейший Бедекер. Попробую сделать это через КСУ⁴², но надежды мало, что выпишут: сочтут, что Бедекер — не научная литература; мне уже раз отказали на этом основании, когда я хотел выписать итальянскую книгу о Дузе⁴³. Но приходится жить не прошлым, а настоящим и ближайшим будущим.

В ближайший же выходной день, т.е. 24 августа, я собираюсь идти обедать в столовую “*Zum schoenen Aussicht*”. Вы доставили бы мне большое удовольствие, согласившись разделить со мной компанию. Если не имеете ничего против, пожалуйста в Дом ученых 24го, так к 3 1/2 часа дня. В это время я буду ждать Вас, сидя на одном из диванов в том широком коридоре, который идет параллельно с залом и ведет в обычную столовую. Там мы встретимся и пойдем в столовую для “высококвалифицированных ученых”. Сядем за стол и будем любоваться видом если не на *S. Pietro*, то на Петропавловскую крепость, что, пожалуй, к нашему *status’u* и более подходит.

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 49—49 об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Середина 1930-х годов прошла для академика С. А. Жебелёва под знаком восстановления его позиций в советской науке. На основе выводов Жебелёва, представленных в работах о херсонесском декрете в честь Диофанта, была сформулирована идея о победе классовой революции рабов, причем особую значимость

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 47 об., 55 об., 56 об., 58—59, 62—62 об. и др.

³⁸ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 582. Л. 3.

³⁹ Статья была издана И. В. Тункиной; см. Zhebelev 2002, 142—195.

⁴⁰ Имеется в виду путеводитель, названный по имени издательства путеводителей, основанного Карлом Бедекером (Baedeker, Karl; 1801—1859) в Кобленце в 1827 г.

⁴¹ Это отвратительно (*фр.*).

⁴² Комиссия содействия ученым при Совете народных комиссаров СССР.

⁴³ Имеется в виду итальянская актриса Э. Дузе (1858—1924).

этому тезису придавало то, что древнейшее такое восстание состоялось на территории СССР. Жебелёв в середине 1930-х годов обладает значительным административным влиянием, однако его личное отношение к советскому государству и научной политике СССР остается негативным.

Литература / References

- Alpatov, V.M. 1990: [History of one myth: Marr and Marrism (the Beginning)]. *Znanie — sila [Knowledge is Strength]* 11, 65–69.
- Алпатов, В.М. История одного мифа: Марр и марризм (начало). *Знание — сила* 11, 65–69.
- Alpatov, V.M. 2004: *Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm [History of One Myth. Marr and Marrism]*. 2nd ed. Moscow.
- Алпатов, В.М. *История одного мифа. Марр и марризм*. 2-е изд. М.
- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2020: [S. A. Zhebelev in the system of soviet science (Based on new archival findings) Part II. 1927–1932]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 80/3, 753–774.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932. *ВДИ* 80/3, 753–774.
- Bukharin, M.D., Karyuk, S.G. 2019: [How the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences was Created]. *Vestnik RAN [Herald of the Russian Academy of Sciences]* 11 (89), 1162–1169.
- Бухарин, М.Д., Карпюк, С.Г. Как создавался Институт всеобщей истории РАН. *Вестник РАН* 11 (89), 1162–1169.
- Gavrilov, A.K. 1992: [Scythians of Saumakos — revolt or invasion? (IPE I² 352–Syll.³ 709)]. In: A. K. Gavrilov (ed.), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya [Essays on Classical History and Culture of Northern Black Sea Region]*. Saint Petersburg, 53–73.
- Гаврилов, А.К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? (IPE I² 352–Syll.³ 709). В сб.: А.К. Гаврилов (ред.), *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 53–73.
- Gavrilov, A.K. 1996: Das Diophantosdekret und Strabon. *Hyperboreus* 2/1, 151–168.
- Gavrilov, A.K. 2016: Noch ein epigraphischer Beleg für den Skythen Saumakos (IosPE I² 353)? *Hyperboreus* 22/2, 276–287.
- Krikh, S.B. 2006: [“The Slaves’ Revolution” in the Soviet historiography of the 1930s]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii [Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History]* 17, 224–236.
- Крих, С.Б. «Революция рабов» в отечественной историографии 30-х гг. XX века. *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории* 17, 224–236.
- Krikh, S.B., Metel, O.V. 2018: *Istoriografiya drevnosti v sovetskiy period: uchebnoe posobie [Historiography of Antiquity in Soviet Era: Textbook]*. Omsk.
- Крих, С.Б., Метель, О.В. *Историография древности в советский период: учебное пособие*. Омск.
- Lenin, V.I. 1969: *Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [State and Revolution. Teaching of Marxism on State and Tasks of Proletariat in Revolution]*. (Complete Works. Vol. 33. 5th ed.) Moscow.
- Ленин, В.И. *Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции*. (Полное собрание сочинений. Т. 33). 5-е изд. М.
- Lurie, Ya.S. 2004: *Istoriya odnoy zhizni [History of One Life]*. Saint Petersburg.
- Лурье, Я.С. *История одной жизни*. СПб.
- Marx, K. 1960: *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii*. Т. I. *Prozess proizvodstva kapitala [Capital. A Critique of Political Economy. Vol. I. The Process of Capitalist Production]*. Moscow.
- Маркс, К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. I. *Процесс производства капитала*. М.
- Mirovshchikova, A.A. 2017: [Between “old” and “new” science: S.Ya. Lurie’s life in the crucial time for Russia (late 1910s — early 1930s)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki” [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]* 159/4, 910–924.

- Мировщикова, А.А. Между «старой» и «новой» наукой: путь С.Я. Лурье в переломное для России время (вторая половина 10-х — начало 30-х годов XX века). *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»* 159/4, 910–924.
- Mishulin, A.V. 1936: [Outline of China in Classical period]. *Bor'ba klassov. Na fronte istoricheskoy nauki* [Class Conflict. On the Front of Historical Science] 2, 95–105.
- Мишулин, А.В. Очерк о Китае в античную эпоху. *Борьба классов. На фронте исторической науки* 2, 95–105.
- Serova, E.A. 1979: [Historical-Archaeographic Institute of the Academy of Sciences of the USSR (1931–1936)]. In: M.V. Nechkina (ed.), *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik. 1976* [History and Historians. Annual of Historiography. 1976]. Moscow, 361–378.
- Серова, Е.А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936). В сб.: М.В. Нечкина (ред.), *История и историки. Историографический ежегодник. 1976*. М., 361–378.
- Skachkov, P.E., Chizhikova, K.L. 1986: [Bibliography of the publications of S.F. Oldenburg]. In: G.K. Skryabin, E.M. Primakov (eds.), *Sergey Fedorovich Oldenburg*. Moscow, 122–153.
- Скачков, П.Е., Чижилова, К.Л. Библиография трудов С.Ф. Ольденбурга. В сб.: Г.К. Скрыбин, Е.М. Примаков (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург*. М., 122–153.
- Zhebelev, S.A. 2002: [Scientific degrees in their past, their renaissance in present and threatening danger of their disappearance in the future (Publication and comments by I.V. Tunkina: from the scientific heritage: a note on deliverance of scientific degrees by S.A. Zhebelev)]. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Outlines of the History of Russian Archaeology] III, 142–195.
- Жебелёв, С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем (Публикация и примечания И.В. Тункиной. Из научного наследия: записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва). *Очерки истории отечественной археологии* III, 142–195.
- Zhebelev, S.A., Kovalev, S.I. (eds.) 1933: *Antichnyy sposob proizvodstva v istochnikakh. Literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel'stva o sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevney Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka i Rima* [Classical Production Mode in Sources. Narrative, Epigraphical and Papyrological Attestations on Social and Economic History of Ancient Greece, Hellenistic Orient and Rome]. Leningrad.
- Жебелёв, С.А., Ковалев, С.И. *Античный способ производства в источниках. Литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима*. Л.